

**НОРВЕГИЯ И НОРВЕЖЦЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ В 1814–1917 гг.
(по печатным материалам)**

Проблема формирования и функционирования в общественном сознании представлений о тех или иных странах и народах, их образе жизни, культуре не является новой для обществоведов. Некоторый опыт наблюдений такого рода, хотя вряд ли его можно назвать большим, накоплен и отечественными историками. Большею частью это специалисты по всеобщей истории, и, естественно, к ним следует причислить ученых, изучающих историю стран Северной Европы.

С 1980-х — начала 1990-х гг. результаты работ по этой тематике стали все чаще появляться на страницах российских научных изданий¹. Вместе с тем специальных исследований о представлениях русских людей о Норвегии и норвежцах в XIX — начале XX столетий пока не предпринималось.

В настоящем очерке сделана попытка проследить общую динамику представлений о Норвегии и норвежцах в русском обществе, попытаться выявить некоторые этапы их эволюции и определить факторы, под воздействием которых она происходила. Важно также, на наш взгляд, оценить полноту и объективность этих представлений, а также определить практическую роль, которую они были призваны играть, влияя на общественное сознание.

В качестве хронологических рамок избран период с 1814 по 1917 гг. Обоснованием такого решения может служить тот факт, что в 1814 г. Норвегия вновь обрела утраченную ранее государственность (хотя и не в полном объеме, оставаясь автономной частью шведско-норвежского государства). Указанное обстоятельство оживило интерес российской общественности к стране, расположенной на северной окраине европейского континента. Вместе с тем важно помнить, что в начале XIX в. в России уже сформировались журналистика и коммерческая книгоиздательская деятельность, рассчитанные на массового читателя и способные формировать его представления о других странах и народах.

Обращение же в качестве конечного рубежа к событиям переломного для России 1917 г., кажется, не должно вызывать сомнений. В советский период истории страны изменились и характер, и содержание российско-норвежских отношений. Изменилась вся совокупность политических, социальных

и культурных условий существования нашего народа, идей и ценностей, сквозь призму которых советские люди рассматривали явления норвежской действительности.

Источниковым материалом послужили печатные издания (оригинальные российские или иностранные, переведенные на русский язык), освещавшие в той или иной мере «норвежскую» тему. К их числу следует отнести газетные и журнальные публикации, а также издания научного, учебного, просветительского характера. Жанры использованных сочинений разнообразны: заметки и записки путешественников и публицистов, туристические путеводители, учебные пособия, просветительские издания «для народа», справочные и энциклопедические материалы.

Особо следует отметить значение известной коллекции М.Д. Хмырова, хранящейся в фондах Государственной публичной исторической библиотеки в Москве. На значение этих материалов для исследователей и сложность работы с ними уже указывалось в научной литературе². Выявленные в коллекции М.Д. Хмырова «норвежские» материалы датируются периодом 1814–1869 гг. Из нескольких сотен статей коллекции, посвященных скандинавским странам, нашлось лишь немногим более трех десятков публикаций, имеющих прямое отношение к Норвегии. До 1905 г. суверенитет Норвегии, находившейся в унии со Швецией, был ограничен, поэтому ее выделение в самостоятельный раздел в коллекции М.Д. Хмырова отсутствует. Составитель включил посвященные Норвегии материалы в папку «Швеция» (состоит из семи томов) и «Дания» (три тома).

К «повременным» изданиям, публиковавшим материалы о Норвегии, относятся литературно-политические газеты и журналы (сред них «Сын Отечества», «Современник», «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Москвитянин», «Иллюстрированная газета») или издания, посвященные искусству, досугу («Галатейя» и «Благонравие»).

Ведомственные и специальные издания также затрагивали «норвежскую» тему. Перечень таких журналов довольно обширен: «Горный журнал», «Лесной журнал», «Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал Министерства юстиции», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Журнал Министерства народного просвещения», «Вестник Императорского Русского географического общества».

Из провинциальных публикаций о Норвегии внимание М.Д. Хмырова привлекли лишь статьи, помещенные в «Архангельских губернских ведомостях». Это не должно удивлять, поскольку именно Архангельская губерния единственная непосредственно граничила с северной норвежской

провинцией Финнмарк и благодаря торговле и промыслам поморов поддерживала с ней самые тесные отношения.

Непосредственные контакты русских людей с норвежской действительностью примерно до 1870–1880-х гг. были редки, а сведения о ней скудны и отрывочны.

До открытия регулярного железнодорожного сообщения с Западной Европой попасть из России в Норвегию по суше было затруднительно и дорого. Путешествие же по Балтийскому и Северному морям в эпоху парусного флота не считалось легким и безопасным. Автор обзора новой скандинавской поэзии в 1829 г. подчеркнул тот факт, что «сношения наши со скандинавскими племенами редки»³. Может быть, поэтому среди отечественных авторов, нечасто обращавшихся в первой половине XIX столетия к Норвегии, трудно выделить имена знаменитых или по крайней мере известных ученых, путешественников, писателей и журналистов⁴.

Торговое судоходство между Россией и Норвегией уже в первой половине века было довольно оживленным, но осуществляли его преимущественно сами норвежцы. Их суда часто посещали гавани Петербурга, Виндавы, Риги, Ревеля. Уже в 1835 г. Россия имела консульские учреждения в десяти портовых городах Норвегии⁵. Но за исключением генерального консула в Христиании то были чаще всего внештатные консульские агенты из числа норвежских подданных — торговцев и судовладельцев. Еще один путь вел «в Норвегу» — в порты Варде, Хаммерфест и Тромсе — через Белое и Баренцево моря. Его давно проложили русские поморы. Однако нужно помнить, что отдаленная, самая северная норвежская провинция Финнмарк находилась в относительной изоляции от остальной Норвегии, по крайней мере до середины XIX в.

Определенный дефицит внимания к Норвегии в русском обществе объясняется и тем, что наука, литература и искусство последней еще не приобрели общеевропейского значения. Несмотря на то, что страна в 1814 г. разорвала политические узы с Данией, она еще долгое время продолжала оставаться датской культурной провинцией. «В ученном отношении, — подчеркивал французский наблюдатель, — Норвегия всегда сравнительно с Данией находилась и находится на низшей ступени и в каком-то страдательном подчинении. Малое же число занимающихся искусством, наукой и литературой с жадностью преследуют все приходящее из Копенгагена»⁶. Норвежская литература, современная человеку той эпохи, не отличалась ни оригинальностью жанров и стиля, ни яркими писательскими талантами, ни свежестью тем и сюжетов.

Норвежская наука, в свою очередь, еще переживала процесс становления. Долгое время Норвегия не имела собственного университета, а состоятельные норвежцы обычно отправляли детей учиться в Копенгаген⁷. Первый университет, средоточие национальной науки, был учрежден в Христиании сравнительно поздно, в 1811 г. Посетивший его три десятилетия спустя путешественник нашел нужным предупредить читателя, что это еще молодой университет, и он только «пробует крылья»⁸.

Препятствием для знакомства русской общественности с Норвегией оставался языковой барьер. Для широкой публики, писал корреспондент «Современника» в 1842 г., скандинавские языки «малоизвестны». Посему, полагал он, скандинавский мир является «почти совершенно чуждым» русскому человеку⁹.

За норвежским фактически отрицалось значение литературного языка. Автор одного из обзоров поэзии, соглашаясь, что скандинавские языки в России «почти неизвестны», не включил в их перечень норвежский, ограничившись указанием на датский, шведский и исландский¹⁰.

Поэтому не приходится удивляться, что до второй половины XIX столетия основные сведения о Норвегии русские читатели черпали из иностранных сочинений, которые стали для них своего рода «окном» в Норвегию. Речь идет, главным образом, об Англии, Германии и Франции — странах, являвшихся признанными в Европе интеллектуальными лидерами и традиционно поддерживающих с Норвегией тесные экономические и культурные связи. Справедливым будет полагать, что в силу этого положения вещей образованный русский человек видел тогда Норвегию и норвежцев в немалой мере глазами западно-европейских писателей и путешественников. Однако выбор иностранных сочинений, авторов и сюжетов оставался за русскими издателями и переводчиками. Таким способом они сохраняли определенную самостоятельность и активность в формировании отношения русской публики к «норвежскому» материалу. Для примера можно сослаться на издание 1867 г. русского перевода книги о путешествии в Норвегию известного ученого — материалиста и естествоиспытателя Карла Фогта¹¹.

В первой половине XIX столетия русская литература и периодика несли на себе печать культурных запросов, идейных влияний, сословных предпочтений, художественных вкусов и умственных интересов читателей по большей части дворянско-помещичьей и чиновной среды. Сильное влияние на них оказывал романтизм как идейно-художественное течение, господствовавшее тогда в европейской культуре. Ему был свойствен повышенный ин-

терес к историческому прошлому и культурным традициям других народов, нередко их идеализация и героизация.

Героическая тема в публикациях на «норвежскую» тему отразилась в двух аспектах. Во-первых, в специальном внимании к легендарной эпохе викингов, ставшей эпохой и в истории остальной Европы, а также к скандинавской мифологии¹². Другой аспект связанной с Норвегией героической темы — вечная борьба человека с природной стихией «холодного Севера» и бурных «ледовитых» морей. Эти сюжеты привлекали внимание читающей русской публики. Они формировали представление об истоках становления характера норвежской нации, нации мореплавателей и рыбаков. Они стали «сквозными» и очень популярными во всей русской литературе о Норвегии для периода XIX — начала XX столетий.

Образцом такого рода описаний может служить помещенный в 1840 г. «Москвитянине» перевод путевых очерков Людвиг Рельштадта. Встреча в морском путешествии с норвежским парусником вызвала у автора восхищение мужеством норвежских моряков, наследников славы дальних походов викингов: «Этот черный норвежец с замаранными сажею грязными снастями, серыми парусами. Он летит, как черный ворон между ослепительными лебедями. Он привык к бурям и смело спешит по волнам, разбивающимся пеною об его высокою грудь. Он привык рассекать море севера, ужасно ревущее между утесами и ледяными горами. Экипаж его как бы вылит из ковкой руды, он тверд и гибок как сталь. Храните уважение к этим смелым плователям, которые и в незапамятные времена бороздили море, когда все другие народы едва смели плавать в виду своих берегов»¹³. Автору панегирика, воспевшего схватку человека с морской стихией, нет дела до практических дел и прозаических коммерческих расчетов норвежских моряков и судовладельцев.

Почти с такой же интонацией «Вестник Императорского Русского географического общества» представил в 1858 г. извлечения из немецкого журнала — рассказ «Путешествие Баярда Тейлора на Нордкап»: «Здесь, где половина жителей делается жертвой цинги, где духовные лица из южной Норвегии не переживают и одного года, где не растет ни одно дерево, где не созревает ни одно садовое растение, где, наконец, ужасные бури со всех концов Ледовитого моря истребляют последний признак жизни, человек как бы наперекор всем законам природы один только отстаивает упорно свое существование»¹⁴.

Наряду с романтизированным представлением о норвежцах, ведущих непрерывную и мужественную борьбу за выживание в суровой северной стране, русские журналы иногда давали читателю описания норвежской

повседневности, привычек и нравов. Такие познавательные запросы старался удовлетворить, например, популярный журнал «Библиотека для чтения». Русскому помещику естественно было интересоваться норвежскими «деревенскими обычаями» и бытом тамошних «помещиков» и «норвежских мужиков». Специально этим темам были посвящены отрывки из путевых заметок англичанина Сэмюэля Ланга о его пребывании в Норвегии¹⁵. Избранные редакцией сюжеты повествовали о «деревенских нравах норвежцев» и «Лофоденской рыбной ловле».

Путешественник обращал внимание читателей на необыкновенную чистоту одежды и домов местных поселян, искусность местных земледельцев в различных ремеслах, их «страстное» увлечение музыкой и «плясками», их любимое занятие — охоту на волков. Кроме того, писал он, «норвежские мужики, как и все простолюдины, живущие в странах диких и романтических, чрезвычайно суеверны, <...> верят в злых духов <...> и боятся колдунов». В качестве негативной стороны норвежского быта отмечена склонность простых людей к пьянству. «К несчастью, — пишет автор по этому поводу, — их увеселения почти всегда сопровождаются пьянством — общим пороком всех северных народов. Мужчины и женщины пьют много хлебной и можжевелевой водки. Но в пьянстве они не сварливы»¹⁶.

Сведения о главных отраслях хозяйства Норвегии (земледелии и рыболовстве, лесном хозяйстве и горном деле) читателю преимущественно сообщали специальные и ведомственные журналы, часто совмещающие в таких обзорах Швецию и Норвегию¹⁷. Они, как и литературно-политические, нередко в качестве источника использовали переводы зарубежных авторов. Ввиду специального содержания такие материалы, разумеется, имели узкую читательскую аудиторию и едва ли могли серьезно повлиять на массовые представления о Норвегии и норвежцах.

После Крымской войны журналы стали чаще обращаться к зарубежному, в том числе норвежскому, опыту в различных сферах государственного устройства и хозяйства¹⁸. Нередко публикации сопровождались подробными справочными сведениями о стране и ее населении.

Политическому положению и государственному устройству Норвегии дал характеристику безымянный автор статьи, переведенной с французского А.Ф. Бычковым (будущим академиком). В ней многократно подчеркнута мысль внимательного наблюдателя о провинциальном по отношению к Дании и Швеции и зависимом положении Норвегии. «До 1814 г. она (Норвегия. — *К.В.*) имела только одну столицу, теперь она имеет две: литературную — Копенгаген и политическую — Стокгольм»¹⁹. «В продолжении

четырёхсот лет, — продолжает автор, — эти две ветви скандинавского дерева были соединены и сплелись между собой. <...> Тесная связь Норвегии с Данией держится не только на одном учёном и литературном влиянии Копенгагена, — она скрепляется отдалёнными преданиями, воспоминаниями молодости, связью семейною»²⁰.

В 1814 г. началась новая эпоха в политической жизни Норвегии. Путь ей открыла Эйдсвольская Конституция. В стране ускоренным шагом шёл процесс буржуазных преобразований. «Юноши, вступая в школу, уже знакомятся с кодексом избирательной системы, с высокими деяниями Стортинга <...> Заседания Палаты Депутатов для них (норвежцев. — *К.В.*) гораздо важнее объявления о выходе новой трагедии или эпической поэмы. Четыре строчки Гамбургского журнала, в которых заключается биржевой курс, звучат в их ушах сильнее самых лучших гекзаметров, и изобретатель железных дорог им кажется гением выше Гете»²¹.

Либеральное значение норвежской конституции автор оценивает весьма высоко. Она, считает он, «гораздо вольнее Хартии Французской и Magna Charta Английской». Но, несмотря на это, Норвегия пока остаётся политической провинцией. «В Норвегии дорога политическая слишком узка. Я встретил здесь нескольких из этих людей (политических деятелей. — *К.В.*), находящихся Норвегию слишком тесной для своей политической славы, и которые носят как кровавую рану в глубине сердца сожаление, что не имеют поприща более обширного, судилища высшего»²².

Исследуя роль Стортинга в политической жизни Норвегии, автор подробно останавливается на его формировании, составе, устройстве и деятельности. Его внимание привлёк конфликт Стортинга с королем в 1821 г. по поводу закона об упразднении норвежского дворянства, что произвело тогда сильное впечатление на европейскую общественность. Особый интерес вызывает оценка необычного для тогдашней ещё полуфеодальной аристократической Европы широкого парламентского представительства крестьян. Ни о какой идеализации роли крестьян и крестьянских депутатов в парламенте, как это будет в России в канун первой русской революции, пока ещё нет и речи. Автор и, надо полагать, его русские читатели на демократический эксперимент в Норвегии смотрели скептически. «Собрание Стортинга, — пишет он, — есть любопытное смешение священников, адвокатов и простолюдинов»²³. «Несколько крестьян отличились в нем (в Стортинге. — *К.В.*) своим практическим умом и безыскусственным, но сильным красноречием». Чаще же они выказывают «слишком ограниченный ум и чрезмерную скудость» в вотировании государственных расходов.

Живописно представлено стремление депутатов-крестьян сэкономить выдаваемые им суточные и прогонные деньги. «Крестьяне по двое садятся в кабриолетку, запряженную на одну лошадь, не нанимают прислуги, живут в самых неизвестных домах, имеют стол совершенно по-домашнему, исключая прибавления к нему пива и рыбы. Зато каждую неделю кладут специю к специи (одна специя эквивалентна пяти франкам. — *К.В.*), и когда возвращаются домой, то на деньги Стортинга покупают прекрасные и тучные пастбища»²⁴.

Особое место в формировании представлений о Норвегии и норвежцах занимали публикации о поморской торговле, потому что, во-первых, их источником служили непосредственные впечатления русских людей от частых посещений гаваней Финмарка в Северной Норвегии. Во-вторых, они отражали взгляд «беломорцев», местных промышленников и купцов, чье сословное положение, род занятий и образ жизни диктовали им иную шкалу ценностей, интересов и предпочтений.

В практике взаимодействия с норвежцами они выступали одновременно и как деловые партнеры, извлекавшие выгоду и обменивающиеся опытом, и как конкуренты в борьбе за ресурсы, преследующие взаимоисключающие цели (при заключении коммерческих сделок выгода одного могла означать проигрыш другого). Поэтому в описаниях поморами норвежских порядков и обычаев превалировал прагматический, а порою критический подход, лишенный какого-либо налета романтизма и идеализации.

Показательна статья, перепечатанная «Журналом Министерства внутренних дел» в 1839 г. из «Архангельских губернских ведомостей»²⁵. Характеризуя Варде, где автор бывал лично, он сравнивает его с городами родного архангельского края: «Судя по устройству городов нашей губернии, — заключает он, — Вардегус безошибочно можно назвать деревнею, хотя и носит название города, вероятно, по существующей в нем крепости»²⁶. Облик Варде, где число жителей мужского пола едва достигает пятидесяти, представляется ему более чем скромным: «на морском берегу разбросана небольшая куча строений, которые так малы, что нельзя назвать их домами»²⁷. Исключение составили лишь дома двух купцов — «первых местных капиталистов». Питаются большинство жителей Варде, в основном рыбаки, очень скромно. Повседневные продукты в их рационе — рыба и картофель. «Не в большом количестве держат овец, коз, свиней и коров <...>, которые в течение лета питаются скудной травой; зимой кормят их мохом»²⁸. Дрова в безлесной округе Варде слишком дороги для большинства жителей, и в качестве топлива они используют плитки высохшего «дерна»²⁹.

Интерес и одобрение вызывает у помора добротное и удобное устройство норвежской пристани, которая «сажень на тридцать выдается в море, довольно порядочная, деревянная, на столбах <...>; здесь подходят суда к пристани и сгружают все громоздкие товары»³⁰. Сама меновая торговля была выгодна как поморам, так и местным рыбакам. Кроме того, — пишет автор, — «некоторые из русских сами занимаются ловлей трески, сайды и палтусины в окрестностях Вардегуса, приобретая это право привозимой мукой, которой платят владельцам рыболовных тоней»³¹.

Благодаря общению русские и норвежцы в морском и рыбном промыслах стараются заимствовать друг у друга лучшие приемы и технику лова. Причем автор в отдельных случаях находит нужным упрекнуть норвежцев в косности и плохой восприимчивости к передовому опыту поморов. Новый, более продуктивный способ ловли сайды, начатый, как он пишет, «первоначально Русскими, у которых переняли Норвежцы, ныне оставлен ими». Дороговизна специально изготовленных сетей «отбивает охоту на предприятие у Норвежцев, которые, придерживаясь старины, противятся новому предприятию, хотя польза его доказана неоднократными опытами Русских»³². Любопытно, что через почти 30 лет совсем другой наблюдатель, швейцарский ученый Карл Фогт, подтвердит его заключения. Он зафиксировал все еще сохранявшийся консерватизм норвежских рыбаков в применении орудий, способов лова и обработки рыбы, что плохо отражалось на качестве и цене их продукции на европейском рынке³³.

К местным торговым обычаям автор отнесся критически. Мелкие торговцы Варде, «которые издавна находятся в торговых сношениях с Россией, имеют при домах нечто вроде мелочной лавки, заменяющей трактир и питейный дом. Тут можно торговаться, пить и покупать. В одном углу — буфет, в другом — продают в разновеску чай, кофе, сахар и прочее. Тут же меряют сукна, ситцы. Разрезают платки и те из них, которые не нравятся покупателю, бросают в угол комнаты, на пол. Вытаскивают потом новые товары за конец куска, предлагая покупателю измятое, часто рваное и грязное. Словом, дорогой товар с дешевым в одинаковом небрежении, и оттого посредственной ценности».

Торговцы стараются навязать покупателю-помору контрабанду: чай, кофе, сахар, ром. «Богатый Русский, — пишет автор, — отвергает это условие, не соответственное видам честного торговца. А бедный или посредственного состояния покоряется тяжкому условию и берет в придачу к товару за выгодную цену контрабанду, не думая о последствиях»³⁴. Другой способ — навязывание своего торгового посредничества. «Норвежцы, так

сказать, стерегут Русских: лишь только судно на рейде снимется с якоря, направляя путь в какую-нибудь соседствующую деревушку, а догадливый Норвежец не замедлит предупредить Русских»³⁵.

Обобщая, можно заключить, что период с 1814 г. до 1880-х гг. в формировании представлений о Норвегии и норвежцах характеризовался определенной целостностью и отличался качественным своеобразием.

В это время в общественном восприятии доминировала оценка Норвегии как бедной страны на северной окраине Европы; культурной провинции Дании и политической провинции Швеции. Учитывая, что скандинавская часть Европы в это время сама являлась периферией международной политики и дипломатии, можно сказать, что Норвегия была «провинцией в провинции». Более сильные в политическом и экономическом, более развитые в культурном отношении скандинавские соседи (Дания и Швеция) в определенном смысле «заслоняли» собою Норвегию от русского общества. Ее полное политическое, хозяйственное и культурное самоопределение еще не состоялось, самобытность и своеобразие еще не стали явными для стороннего наблюдателя.

Отношение к Норвегии и норвежцам в среде образованного русского общества в целом было окрашено в позитивные тона. Проявлялось это прежде всего в признании исторического и культурного вклада предков норвежцев — древних скандинавов, викингов — в европейскую историю раннего средневековья, в интересе к скандинавской мифологии. Уважение вызывало мужественное и упорное противостояние норвежского народа в его борьбе за существование суровым природным условиям Севера.

Непосредственные контакты русских людей с норвежской реальностью (за исключением поморского Севера) были весьма ограничены, что объяснялось не только географической отдаленностью от России, языковой отчужденностью, но и неразвитостью тогдашних средств сообщения и в еще большей мере дефицитом широкого общественного интереса к этой стране. Иностранная литература и печать в таких условиях стала для русского образованного общества своеобразным «окном» в Норвегию. Представления о Норвегии до этого времени отличались заметной фрагментарностью, многие аспекты жизни норвежцев вовсе не были освещены в русских публикациях. Сферой распространения сведений о Норвегии был узкий круг дворянской и разночинской интеллигенции.

Переходным временем и для России, и для Норвегии стала вторая половина XIX столетия. Ускоренно происходила модернизацией хозяйственных, социальных, культурных и политических структур. И Россия, и Нор-

вегия все глубже втягивались в мировые рыночные связи, рос их взаимный товарооборот. Заметно увеличился вывоз норвежской рыбы в Россию. За 1866–1878 гг. более чем в два раза увеличился экспорт товаров из России в Норвегию, преимущественно за счет хлеба³⁶.

В скандинавских странах сформировалось регулярное железнодорожное и пароходное сообщение, надежно связавшее их друг с другом и Россией. Постоянное пассажирское сообщение наладилось: на Балтике — через Германию или Швецию; на севере — прямое, между Архангельском и Варде (с 1871 г.)³⁷.

Пережили поразительный взлет норвежские литература и искусство, что не осталось незамеченным в России. На рубеже XIX — начала XX в. было переведено на русский язык и издано большинство сочинений выдающихся или просто известных норвежских литераторов. Пьесы норвежских драматургов не сходили со сцены русских театров. Имена Б. Бьернсона, Г. Ибсена, К. Гамсуна, Э. Грига, Э. Мунка приобрели мировую известность, их творчество стало широко известно и чрезвычайно популярно в России.

Заметно вырос и укрепился авторитет норвежской науки в мире, развивались прежде всего направления, связанные с практическими нуждами капиталистического хозяйства, такие как полярные исследования, морская биология, гидрология, лесоводство, агрономия, химия горного и металлургического дела, электротехника и гидроэнергетика. Огромную популярность приобрел Ф. Нансен, превратившийся для русских людей, по свидетельству А.М. Коллонтай, в национальный символ Норвегии.

С конца XIX в. Норвегию все чаще стали посещать туристы из России. Они по достоинству оценили неповторимую красоту северной страны, ее горных ландшафтов и уникальных по живописности фиордов. Также принимали во внимание нечасто встречающееся в практике туристического предпринимательства сочетание европейского комфорта во время путешествия с экономичностью. Последнее объяснялось сложившимся в конце 1890-х гг. выгодным обменным курсом рубля к норвежской кроне³⁸. Все более частые поездки русских на север отражали и некоторую их «усталость» от традиционных европейских маршрутов, и раздражение от ставшего слишком массовым и чрезмерно стандартизированным «турпродукта»³⁹.

Русское правительство первым вынуждено было обратить внимание на впечатляющие перемены в Норвегии. Раньше всех изменения коснулись севера Норвегии, где на Западном Мурмане непосредственно встречались границы двух стран и где перемены, произошедшие в Норвегии, все более разительно оттеняли хозяйственное и культурное отставание Русского Севера на фоне бурного развития Финнмарка. Закономерно возникла проблема

рыболовства и браконьерства норвежцев в русских водах, вызвавшая протесты поморского населения и тревогу местной администрации. Это отразилось в печати появлением призывов к правительству защитить Русский Север от «норвежской угрозы»⁴⁰.

Русское общество, в котором по мере проведения реформ неуклонно нарастали настроения, оппозиционные царскому правительству, напротив, усмотрело в успешном развитии парламентской и демократической Норвегии (равно как и Западной Европы с ее либеральными установлениями вообще) не «угрозу», а образец для подражания. Стесненная жестким цензурным контролем властей «прогрессивная» печать нашла своеобразный выход. В 1890-х — начале 1900-х гг. в условиях общественно-политического подъема, переросшего в революционный кризис, она освещала и пропагандировала действительные успехи северной соседки, порою преувеличивая и идеализируя их. Скрытой задачей многих публикаций являлись косвенная пропаганда либеральных и радикально-демократических идей, мобилизация политических сторонников, привлечение союзников в условиях нарастающего в канун 1905 г. революционного настроения в обществе⁴¹.

Социальные издержки и противоречия поступательного движения молодого норвежского промышленного и аграрного капитализма или оставались вне поля ее зрения, или просто некритически замалчивались. Авторы игнорировали насущные социальные «болезни», от которых страдала Норвегия (в том числе безработицу сельскохозяйственных и индустриальных рабочих, тяжелые условия их труда, остроту классовых противоречий труда и капитала, значительное распространение пьянства и массовую эмиграцию из страны).

Однако в общем спектре общественного мнения в России были две политические силы, которые формировали иной образ страны. Выступая как принципиальные критики либеральной утопии о «счастливой» Норвегии, «земле обетованной», они делали это с антибуржуазных, хотя и противоположных по отношению друг к другу, идейных позиций.

Русская правая печать и представлявшие ее публицисты и писатели отдавали дань наиболее очевидным достижениям Норвегии, однако указывали на опасные для общественного устройства Норвегии тенденции: бедность в городах на фоне преуспевания норвежской буржуазии, социальные конфликты и рост популярности у норвежских рабочих социалистических идей, в том числе радикального свойства. Критика Норвегии «справа» была не менее политизированной, ибо решала «внутрироссийские» задачи идейного противостояния либеральным, демократическим и социалистическим взглядам.

По этому поводу один из правых публицистов призывал: «Надо стараться разрушить распространенное в русской публике представление о Норвегии как стране чисто демократической и пользующейся полным социальным миром»⁴². Враждебные буржуазному прогрессу правые разоблачали фальшь либеральной демократии с ее формальным равенством граждан, но опирались на идеализацию патриархального, религиозного, монархического строя жизни прежней, старой Норвегии, который неумолимо разрушался и должен был уйти в прошлое.

Социал-демократическая печать, рассматривала Норвегию как наиболее яркий пример страны буржуазной (т.е. ограниченной) демократии, будущее которой может быть связано только с переходом к демократии социалистической. Она знакомила читателя с фактами стачечной борьбы норвежских рабочих, с удовлетворением отмечала рост численности и организованности норвежского рабочего движения, авторитета профсоюзов и рабочей партии. Вместе с тем многие из русских «эсдеков», например хорошо знавшие Норвегию А.М. Коллонтай и А.Г. Шляпников, не раз с большим уважением и симпатией писали об этой замечательно красивой и культурной стране, ее трудолюбивом и мужественном народе, глубоких демократических традициях⁴³.

В годы Первой мировой войны связи России с Норвегией стали более тесными. Это произошло благодаря антантофильству ее правительства и интенсивному сотрудничеству двух стран как в экономической, так и в военной сферах. В Норвегии, которая служила России «мостом», связывающим ее с союзниками («скандинавский транзит»), побывали в это время десятки тысяч русских людей. Только за первые месяцы войны, по данным русской дипломатической миссии в Христиании, около 12,5 тыс. застигнутых событиями в Европе русских подданных вернулись на родину через Норвегию⁴⁴. В Норвегии обосновалось немало политэмигрантов и дезертиров. Сюда прибывали командированные офицеры и инженеры, дипломаты и чиновники. Через нее следовали журналисты и писатели, депутаты Государственной Думы и возвращавшиеся на родину военнопленные. Несмотря на прорывавшееся на страницах русской печати возмущение алчностью норвежских деловых кругов, спешивших, пользуясь нейтральным статусом Норвегии и выгодной конъюнктурой, нажиться на торговле с обоими воюющими блоками, в общественном мнении России, как свидетельствует печать, все же сохранилось преобладание позитивного отношения к этой стране. Многих русских, кому довелось путешествовать по Норвегии, удивляло и восхищало, что при наличии скромных природных ресурсов трудолюбивый, предприимчивый и дисциплинированный народ северной страны построил благоустроенное и культурное общество⁴⁵.

Представляется, что период с 1890-х гг. до 1917 г. стал временем, когда в России сформировался новый, во многом противоположный прежнему взгляд на Норвегию и норвежцев, сложились новые представления и стереотипы восприятия этой страны. Доминирующим стало представление о Норвегии как высокоразвитой и процветающей стране, общественный строй, образ жизни и культура которой могут служить образцом для других народов⁴⁶. Было написано и издано великое множество разнообразной по жанру и оригинальной по происхождению печатной продукции: книг, брошюр, журнальных и газетных статей, справочных материалов. К ним относились заметки путешественников и туристов⁴⁷, пособия для учащихся⁴⁸, дешевые (всего несколько копеек) просветительские издания для народных читален и библиотек⁴⁹, публицистические выступления⁵⁰.

Часто это был содержательный, насыщенный фактами, добротнo написанный материал, систематизировавший доступную авторам информацию практически о всех сторонах норвежской действительности. (Некоторое познавательное значение он сохраняет даже для современного читателя.) Вместе с тем следует не забывать, что, будучи положительным, создаваемый печатью образ Норвегии и норвежцев часто был односторонним и довольно поверхностным. Причинами такой своеобразной аберрации зрения служили, как кажется, следующие факторы:

а) идеализированный образ Норвегии, сформированный «прогрессивной» печатью, в том числе служил средством идейно-политического воздействия на русское общество, способом привлечь общественное сочувствие на сторону либеральных и демократических преобразований в России;

б) педагогическая общественность использовала именно такой, приукрашенный образ Норвегии и норвежцев в дидактических, воспитательных, просветительских целях, для борьбы с общественными пороками (воровством, пьянством, невежеством, хулиганством, принижением положением женщин в семье и обществе) и культивирования в народной массе чувства уважения к добросовестному труду, собственности, личному достоинству человека, привычку к трезвому образу жизни и, наконец, чистоте и гигиене в быту.

Объективной предпосылкой существования в России приукрашенного образа Норвегии служили ее реальные успехи на пути развития современного рыночного хозяйства, основанного на применении научных и технологических открытий, рост культуры норвежского общества, широкий прогресс школьного образования и печати.

Более трезвый, критический взгляд на Норвегию не мог возобладать в условиях, когда в русском обществе доминировали либеральные и демокра-

тические настроения. Правая печать оказалась не в состоянии эффективно соперничать с ними за влияние.

Для печати социал-демократического направления России на первом месте стояли лозунги гражданского равенства и политических свобод. Положительный в целом пример демократической Норвегии давал необходимый пропагандистский эффект для достижения ближайшей цели РСДРП — скорейшего революционно-демократического обновления России, преодоления ее политической, экономической и культурной отсталости, сословных перегородок, патриархальности и косности.

В конце XIX — начале XX вв. в России уже сложились некоторые устойчивые стереотипы представлений о Норвегии и норвежцах:

— о суровой, но живописной природе Норвегии: «страна фиордов», «страна полуночного солнца», «страна северного сияния», «страна водопадов и гор», «северная Швейцария»;

— о людях: норвежец безукоризненно честен, трудолюбив, отличается аккуратностью и чистоплотностью в быту, деликатен в отношениях с другими людьми, уважает чувство их собственного достоинства, чрезвычайно любит свою родину, ее природу, национальные виды спорта: зимние (лыжи, коньки) и морские (плавание под парусом); религиозность и религиозное воспитание норвежцев — основа их твердой нравственности;

— об общественном и государственном устройстве Норвегии: их основа — полное гражданское равенство (бессословность), демократизм (широкое самоуправление народа), Норвегия — «демократическое королевство», положение женщин в Норвегии отличается особенной в сравнении с Россией свободой и равенством прав с мужчинами;

— основа успехов Норвегии — ее передовая народная школа, просвещающая и воспитывающая народ, обязательное и бесплатное начальное образование.

Немаловажно, что к началу XX столетия благодаря заметному распространению в России народной школы (для детей и взрослых), периодической печати, журналистики, книгоиздательства, библиотечного дела представления о Норвегии и норвежцах стали достоянием не только интеллигенции, но и более широких демократических слоев населения.

¹ См., например: Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М., 1982; Кан А.С. Швеция глазами русских путешественников 1817–

1917 гг. // Новая и новейшая история. 1983. № 4. С. 135–145; Россия и Нидерланды: контакты и взаимное видение. Мурманск, 1995; Чернышева О.В. Шведский характер в русском восприятии. М., 2000; Она же. Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004.

² Чернышева О.В. Шведский характер в русском восприятии. М., 2000. С. 9.

³ Новая Скандинавская поэзия // Галатея. 1829. № 49. С. 111.

⁴ В отличие от Швеции, о которой уже до Крымской войны оставили яркие воспоминания и заметки побывавшие там известные деятели отечественной культуры — филолог, академик Яков Карлович Грот, поэт Василий Андреевич Жуковский, литератор Фаддей Булгарин (см.: Чернышева О.В. Шведский характер в русском восприятии (по свидетельствам XIX–XX вв.). М., 2000. С. 7.

⁵ Неболсин Г.П. Статистическая записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Ч. 1–2; Он же. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. Ч. 1–2.

⁶ Христиания // Москвитянин. 1842. № 11. С. 228.

⁷ Подобного тем, например, что были основаны в Дании и Швеции уже в XV в. Старейший университет Скандинавии возник в шведском городе Упсала в 1477 г. Университет в датской столице Копенгагене был основан немногим позднее, в 1487 г.

⁸ Библиотекари университета с гордостью указывали ему на 120 тыс. «волюмов», собранных ими в короткое время, но он обратил внимание, что среди книг встречалось и немало случайных изданий, в том числе «даже модных журналов» // Москвитянин. 1842. № 11. С. 227.

⁹ Листки из Скандинавского мира // Современник. 1842. № 4. С. 29.

¹⁰ Новая Скандинавская поэзия // Галатея. 1829. № 49. С. 111.

¹¹ Карл Фогт. Путешествие на Север вдоль норвежского берега на Нордкап, остров Ян Майен и Исландию, предпринятое с мая по октябрь 1861 года доктором Георгом Берна в сопровождении К. Фогта, Г. Гессельгорста, А. Грессли и А. Герцена и описанное К. Фогтом. СПб., 1867.

¹² См., например: Обычаи и нравы древних скандинавов // Вестник Европы. 1828. № 20. С. 241–252; О поэзии скандинавов // Сын отечества. 1832. № 32, 34, 35; П. Корсаков. Песнь о Трине или отнятие молота. Скандинавская поэма // Сын отечества. 1842. Июль.

¹³ Публикация вышла под названием «Немец в гостях у своих датских единоплеменников» // Москвитянин. 1840. Июнь. С. 13.

¹⁴ Путешествие Баярда Тейлора на Нордкап // Вестник Императорского Русского географического общества. 1858. № 4. С. 84.

¹⁵ Деревенские нравы норвежцев // Библиотека для чтения. 1837. Февраль. С. 95–104.

¹⁶ Там же. С. 103.

¹⁷ Краткое обозрение горной промышленности в Швеции и Норвегии (перевод Г. Карпинского) // Горный журнал. 1828. № 2; Глыба самородного серебра из Конгсбергского рудника (перевод К. Вутенева) // Там же. № 5; Швеция и Норвегия в земледельческом отношении к северным областям России // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. С. 112–142; Лесная география: некоторые сведения о распространении важнейших древесных пород в лесах южного края Швеции и Норвегии (извлечение из журнала Прусской Академии лесного хозяйства) // Лесной журнал. 1842. № 8. С. 210–263; О состоянии лесов и лесного хозяйства в Скандинавии // Лесной журнал. 1843. № 3. С. 300–376;

О Норвежском рыболовстве // Журнал Министерства государственных имуществ. 1861. Ноябрь. С. 65–114.

¹⁸ Очерки вооруженных сил европейских государств. Швеция и Норвегия // Военный сборник. 1861. Октябрь; Взгляд на уголовное законодательство Норвегии // Журнал Министерства юстиции. 1863. Июль; Иностранное военное обозрение: скандинавские государства // Военный сборник. 1869. № 7.

¹⁹ Христиания // Москвитянин. 1842. № 11. С. 227–228.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 230.

²² Там же. С. 229.

²³ Там же. С. 232.

²⁴ Там же.

²⁵ О меновой торговле в Норвегии. Вардегус // Журнал Министерства Внутренних дел. 1839. № 7. Автор — Ф.В. Вальнев — известный местный этнограф-любитель, собиратель древностей, в 1830-х гг. служил в Архангельской таможне (см.: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 92).

²⁶ Там же. С. 13.

²⁷ Там же. С. 14.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 14.

³¹ Там же. С. 18.

³² Там же. С. 18–19.

³³ Карл Фогт. Путешествие на Север вдоль норвежского берега на Нордкап, остров Ян Майен и Исландию, предпринятое с мая по октябрь 1861 года доктором Георгом Берна в сопровождении К. Фогта, Г. Гессельгорста, А. Грессли и А. Герцена и описанное К. Фогтом. СПб., 1867. С. 51–52.

³⁴ Там же. С. 15–16.

³⁵ Там же.

³⁶ С 7 млн до 14,8 млн крон (см.: Энкель К.Г. Швеция и Норвегия. СПб., 1880. Военное обозрение. Автор — полковник отдела общей статистики Генерального Штаба).

³⁷ В первую же навигацию за пять рейсов на пароходе «Великий князь Алексей» было перевезено около 300 пассажиров и 4 тыс. пудов грузов (см.: Брызгалов В.В. Пароходное сообщение Архангельск — Норвегия // Исторические связи Русского Севера и Норвегии (к 200-летию г. Варде): Сб. ст. Архангельск, 1989. С. 89).

³⁸ Профессор-биолог Киевского университета А.А. Коротнев, посетивший «страну полуночного солнца» в 1897 г., свидетельствует, что добраться из Петербурга до Лофотен в 1897 г. можно было всего за 50 руб. «А жизнь там обходится в 5–6 крон в день, т.е. 2,5–3 руб.» (см.: Коротнев А. Поездка на Шпицберген. Очерк. Киев, 1898. С. 9).

³⁹ Эти настроения весьма выразительно сформулировал В.И. Немирович-Данченко: «Русский турист, — писал он, — ничего не знающий в Европе кроме магистральных лишь маршрутов, должен страшно скучать за границей. Все, что он видит, известно ему до тошноты. Путешествие по Бедекеру я еще понимаю по судебному приговору, но по

доброй воле — слуга покорный. Ведь все это описано, расписано, повторено тысячами отвратительнейших фотографий <...> В природе нет таких красок, которые они обещают вам. Истинное торжество пятиалтынной поэзии, апофеоз мещанской дешевки. Куковские лавочники иначе не знакомятся с земным шаром, на котором они, дай им бог здоровья, все запаковали и засидели до того, что за ними, как за скверным автомобилем, не протышишься. В конце концов, пошлешь ко всем чертям расславленные места, где Бедекеры приказывают восхищаться, и уйдешь в какую-нибудь дыру непролазную» (см.: В.И. Немирович-Данченко. На попятном дворе. Профили и зигзаги // Собр. соч. Т. XIII. СПб., 1912. С. 225).

⁴⁰ См., например: Никольский В.Н. На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914. (Отгиск из Известий Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1914. № 6.)

⁴¹ Вот наиболее типичные образцы таких брошюр, написанных в агитационном стиле и напечатанных в разгар революционных событий: Руссова С. В стране вольного крестьянства. Ростов-на-Дону, 1906. (Здесь сформулированы неонароднические идеи и лозунги.); Михайловский А. Как живут наши северные соседи. М., 1906. (Брошюра составлена в духе программных требований партии кадетов.)

⁴² Новинский Н.З. У северных соседей. Очерки Швеции и Норвегии. Харьков, 1913. С. 89.

⁴³ См., например: Шляпников А.Г. Накануне 1917 года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914–1917 годы. М., 1920. С. 61–63.

⁴⁴ Арсеньев С.Д. Донесение российского императорского посланника в Норвегии действительного статского советника Арсеньева // Известия Министерства иностранных дел. 1915. Кн. 2. С. 116–118.

⁴⁵ В Норвегии // Новое время. 1916. 8 (21) февраля.

⁴⁶ Соседи на крайнем Севере. Россия и Норвегия от первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001. С. 222.

⁴⁷ См., например: Коптев А. Путевые заметки по Швеции и Норвегии до Нордкапа в 1892 г. СПб., 1893; Коротнев А. Поездка на Шпицберген. Очерк. Киев, 1898; Верховский Н.П. Норвегия и Швеция. Из записной книжки случайного туриста. Варшава, 1898; Энгельмейер А. По Русскому и Скандинавскому Северу. Путевые воспоминания: В 4-х ч. М., 1902; Арнольд А. Месяц в Норвегии. Из путевых впечатлений. СПб., 1904; Шульгин С.Н. Поездка в Швецию и Норвегию. М., 1914.

⁴⁸ Меч С.П. Швеция и Норвегия. М., 1904; Реклю Элизе. Швеция и Норвегия. Страна, народ, учреждения (пер. с фр. яз.). СПб., 1896.

⁴⁹ Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут. Шведы и норвежцы. СПб., 1907. (Вышло в свет три издания.); Орловский С. (Шиль С.Н.). По Норвегии. М., 1903. (Второе изд. в 1915 г.); Слепцова М.Н. Рассказы о Норвегии. СПб., 1900; Кулакова-Грот Е.Я. Норвегия. СПб., 1909.

⁵⁰ См., например: Новинский Н.З. У северных соседей. Очерки Швеции и Норвегии. Харьков, 1913.